

Хутор наш находится на пригорке. Вокруг хутора расстилается тайга на много километров, сенокосные луга с запашистыми травами, зеленеет поляна под пригорком, на которой расположена площадка, огороженная побелённым штакетником. Внутри её расположены будки на высоких ножках с приборами, показывающими атмосферные изменения.

Под пригорком мирно журчит ручей. Он в знойное лето пересыхает, а зимой перемерзает. И от этого у нас было много проблем.

Воду приходилось носить из криницы. В ней вода вкусная и холодная. Но она была далеко от нашего дома. Очень трудно родителям было в зимнее время года поить коров, стирать, варить обеды. Воды надо много, а носить далеко.

В один из зимних вечеров мы пришли из школы и сели за круглый стол делать уроки, поставили посередине стола керосиновую лампу. Мама вышла в кухню. И вдруг она громко ахнула, вышла к нам в комнату и спросила:

— Ребятишки, чья очередь сегодня идти за водой? Завтра утром надо еду готовить, а воды нет ни капли.

У меня мороз пробежал по спине. Я взглянула на часы. Они показывали двадцать один час.

— Моя! — с ужасом крикнула я.

Я стала умолять ребятишек пойти со мной. Но добровольцев не нашлось. Они только ворчали на меня:

— Надо было днём сходить за водой.

Делать нечего, надо идти. Я, обиженная на весь белый свет, мужественно оделась, взяла вёдра, вышла на улицу,

повесила их на коромысло и пошла по тропинке в темноту, поскрипывая снегом. Луна ещё не вышла, и была крошечная тьма. Моё мужество, с которым я целенаправленно шла в темноту, стало быстро убывать в нарастающем мраке. Но пока причин для страха не было. Я уверенно прошла через огород. За огородом уже начинался лес, хоть и редкий, но всё равно было страшновато в него входить. Я прошла по знакомой тропинке к тропе, по которой гоняли коров на водопой в криницу. Она была шире, и идти было легче.

Я спустилась под горку, пересекла дорогу, по которой мы ходили в школу и лесовозы возили лес, поднялась на маленькую, но крутую горку. Остановилась. Дальше начинался тёмный хвойный лес. Входить в этот лес было страшно. Я настроилась, решительно пошла вперёд и быстро приблизилась к нему. И зачем только я посмотрела вверх, на ближайшую густую сосну?! На ней, высоко в тени густых веток, светились два жёлто-зелёных глаза. Инстинкт самосохранения подсказывал, что эти светящиеся глаза не предвещают мне ничего хорошего. Глаза продолжали на меня смотреть, но не двигались.

«Рысь!» — подумала я.

Ноги мои ослабли в один миг от смертельного страха, на спине выступил холодный пот, сердце отчаянно забилося, комок подступил к горлу, мешая дышать. Стою и мысленно прикидываю: если это рысь, то, прыгнув с сосны, она до меня не допрыгнет. А на земле я от неё буду отбиваться коромыслом. Я от страха даже не могла крикнуть. Так бы хоть собаки залаяли и прибежали ко мне на крик. Стою как прикованная, не двигаюсь ни назад, ни вперёд, как будто гири к ногам привязали.

В такие минуты я всегда вспоминала Зою Космодемьянскую. Мужество и упорство Зои меня вдохновляли, и я преодолевала трудности. С тех пор как я узнала о ней, она для меня стала путеводной звездой. Вот и сейчас я вспомнила о её упорстве. Мысли путаются: «Но тогда была война. А сейчас, в мирное время, зачем понапрасну умирать?» Но всё же Зоя «заставила» меня идти к кринице. Я спустилась

под горку и услышала шум воды, подошла, сняла вёдра, набрала воды, повесила их на коромысло и выпрямилась.

Только тогда я заметила, что из-за вершин восточного леса показался верхний край луны и осветил мне путь. Я прислушалась, но вокруг была тишина. Та злополучная сосна, где сидела рысь, от криницы была не видна. Я медленно, чтобы не шуметь и не расплескать драгоценную воду, пошла назад на свою погибель. И вот я поравнялась с сосной. Проходя мимо, усилием воли заставила себя посмотреть наверх. Глаза светились ещё ярче под светом луны.

Меня охватил ужас, потому что с сосны начал падать клочьями снег. Я думаю: «Всё, мне пришёл конец, рысь готовится к прыжку».

Я зажмурилась. Прыжка не последовало. Тогда я открыла глаза и медленно пошла на ватных ногах домой. Иду и жду, что рысь сию минуту вцепится мне в спину. Но вёдра не бросила. Машинально стала цитировать Лермонтова: «Я ждал. И вот в тени ночной...» Комок в горле не давал мне громко кричать слова «Мцыри». Сердце моё так громко билось, что мне казалось — его биение слышит вся округа. Я боялась оглянуться, медленно поднялась в горку. Свернула на тропинку, ведущую к огороду, и только тогда оглянулась назад. Глаза так же светились, но далеко и не так страшно. И вдруг с сосны, махая огромными крыльями, взлетел филин. Я победила! Но каково же было моё разочарование, что я филина испугалась. А он мирно полетел в березняк. Вместе с разочарованием нахлынули слёзы. Они были горячие. Я плакала долго, не могла остановиться. От слёз я обессилела.

В этот вечер я пережила до сих пор не известные мне чувства. Всё-таки донесла воду домой. Вытерев рукавом фуфайки слёзы и повесив на гвоздик коромысло, занесла вёдра в дом. Зашла в комнату — и попала в другой мир. Ребятишки так же учили уроки. Дома было всё как обычно. Только я после пережитого мною страха не могла сосредоточиться и легла спать, не выучив уроки.